

Введение

Этот сборник статей является частью исследовательской программы, посвященной изучению гендерных трансформаций в приватной сфере в современном российском обществе. Основной фокус нашего интереса — сфера интимных отношений, однако мы исходим из того, что граница между интимным и общественным, публичным и приватным подвижна и смещается в зависимости от конкретных ситуаций и разных политических и институциональных контекстов.

В сборник включены работы слушателей и выпускников Гендерной программы Европейского университета в Санкт-Петербурге. Несмотря на различные тематики и многообразие концептуальных рамок, авторы используют несколько основных тезисов.

Авторы придерживаются структурно-конструктивистской интерпретации гендерного подхода. Гендерное устройство (или гендерный уклад) понимается как иерархическая конфигурация соотносимых практик и образцов мужественности и женственности. Изучение социальных институтов учитывает предполагаемые различия в их гендерном устройстве. Одни институты могут быть эгалитарными (например, для гражданского брака характерны переговорные отношения, для новых сценариев сексуальности — меньшее использование двойного стандарта), другие остаются анклавами традиционных практик (в частности, родительство и организация ухода за детьми остаются гендерно асимметричными). Конфигурации гендерных отношений варьируют в разных сферах частной жизни, в разных социальных слоях и ситуациях взаимодействий. Анализируя гендерное устройство, необходимо обратить внимание на следующие аспекты:

- разделение ролей по признаку пола;
- распределение власти, понимаемой как способность к действию с учетом доступных ресурсов;
- символические репрезентации нормативной и исключаемой мужественности и женственности;
- гендерномаркированные эмоциональные отношения;
- гендерные идентичности.

Социальные практики, составляющие ткань повседневной жизни, понимаются как воспроизводящиеся цепочки действий и взаимодействий, регулируемые правилами. Анализируя гендерное

устройство, авторы признают многообразие гендерных позиций и идентичностей, которые возникают в результате «пересечения» классовых, религиозных, возрастных и сексуальных характеристик индивидов (тезис интерсекциональности).

Развивая гендерный подход, исследователи опираются на принципы феминистского анализа. Это означает, что практически каждый из них ставит перед собой два вопроса. Насколько существующие практики содействуют гендерному равенству возможностей? Насколько они способствуют преодолению социального исключения и стигматизации по признаку пола и гендера?

Практически все исследования, опубликованные в данном сборнике, опираются на качественную методологию, которую обоснованно можно считать наиболее релевантной для изучения повседневных практик и дискурсов. Содержательно все исследования, представленные в данном сборнике, подтверждают следующие суждения.

В современном российском обществе происходит диверсификация гендерных укладов и идентичностей. С одной стороны, по-прежнему доминирует современный гендерный контракт «работающая мать», с другой — новой легитимированной моделью становится контракт «домашняя хозяйка — добытчик», фиксирующий полярные роли мужчины и женщины в сфере профессиональной занятости и пространстве дома. В условиях преобладания гетеросексуальной матрицы организации интимных отношений возникает заметный сегмент гомосексуальной идентичности, занимающий свою социальную нишу. Наряду со светскими образцами обнаруживаются конфессионально ориентированные модели управления гендерной идентичностью.

Изменения символического порядка выражаются в политиках гендерного различия. Они пронизывают медийное поле, государственный демографический дискурс, повседневные практики. Возрастает роль экспертного знания, влияющего на гендерные образцы. Мы наблюдаем два основных принципа политик различия: *неотрадиционалистское различие (исключение другого)* и *эгалитарное различие*, хотя границы между ними прозрачны и не всегда проблематизируются. *Неотрадиционалистское различие* — это дискурсивное ограничение, претендующее на гегемонию. Оно предполагает выстраивание жестких нормативных моделей мужественности и женственности, препятствует развитию практик гендерного равенства. В этом случае гендерные различия

считаются естественными (эссенциализируются). Так, например, настойчивые попытки заставить женщин сосредоточиться только на заботе о детях, доме и близких осуществляются благодаря дискурсивной натурализации таких качеств, как способность сочувствовать, заботиться и ухаживать. Данные качества оцениваются позитивно. При этом мужчинам следует не проявлять их, а напротив, подчиняться образцам гегемонной мужественности, которая, в свою очередь, диктует нормы рискованного поведения в разных сферах жизни.

В других случаях политики различия оцениваются в категориях новых возможностей для женщин и мужчин, как личностный выбор, соответствующий ценностям и способствующий самореализации (например, если молодые мусульманки по собственному желанию надевают платок или осознанно выбирают роль домохозяйки). В *дискурсах различия*, как правило, не рефлексированы потенциальные угрозы натурализации и профессионализации гендерных границ, которые могут приводить к социальному исключению и мужчин, и женщин, к ограничению персонального выбора и отказу от моделей гендерного равенства. Эгалитарной тенденции в отношении различий противостоят институты, воспроизводящие патриархатные модели.

Итак, для нас важно то, как происходит выстраивание новых и переосмысление старых практик интимной жизни в социально-стратификационном измерении, как возникают и стабилизируются эгалитарные образцы женственности и мужественности, как сохраняется и усиливается гендерный традиционализм.

Сборник открывают две статьи, помещенные в разделе «Современные практики интимной жизни». Они посвящены изменениям сферы близких личных отношений между женщинами и мужчинами: эмоциональных, романтических, сексуальных, брачных, родительских. В условиях современного открытого информационного пространства, относительной прозрачности государственных границ, коммерциализации социальных отношений, гиперактивного потребления и досуга происходят глобальные трансформации представлений и практик, связанных с организацией интимной сферы. Если прежде, когда существовали жесткие границы между нормальным и девиантным, сексуальное поведение женщин и мужчин должно было соответствовать четким ролевым стандартам, то в период разрушения морали традиционного брака возникает,

по словам Э. Гидденса, «пластичная сексуальность», освобожденная от давления репродуктивных норм. В современном мире нормы интимных отношений становятся вариабельными и подвижными. Одиночки и пары имеют возможность выбирать тот или иной вариант партнерства, тем более что существует большой их диапазон: постоянное сожителство, свободные отношения, супружество, сожителство без совместного проживания, незарегистрированный брак и др. Сегодня популярной формой организации интимной жизни стал отказ от брака, такой сценарий одинаково привлекателен для мужчин и женщин. Интимная биография современного человека не прямолинейна и прерывиста, при этом считается приемлемым чередование периодов жизни в паре и в одиночестве. На каждом этапе интимных отношений партнеры делают свой выбор, оценивая преимущества и риски неопределенности.

С учетом региональных и классовых различий мы можем утверждать, что интимная сфера все более становится пространством индивидуального выбора и свободы от социальных ожиданий и в современном российском обществе. Авторов статей, вошедших в данный раздел сборника, — Ларису Шпаковскую и Гузель Юсупову — интересуют формирование новых сценариев сексуальности в среде молодых горожан и сельских жителей, приверженность стратегии ответственного сексуального поведения, распространение партнерских сексуальных отношений и интимных союзов, а также риски и барьеры на пути осуществления этих новых практик и норм.

Лариса Шпаковская изучает гражданский брак в России на материалах интервью с представителями молодой (20–30 лет) когорты среднего класса, жителями Санкт-Петербурга, имеющими соответствующий опыт. В статье реконструируются смыслы и практики такой распространенной сегодня формы интимных отношений.

Анализ интервью показывает, что категории «свобода» и «отношения» оказываются смыслообразующими, когда информанты рассказывают о себе и своих отношениях с партнером. Категорию «свобода» они используют для обозначения личной независимости от разного рода внешних ограничений и обязательств. Кроме того, «свобода» связана с возможностью действовать в соответствии со своими желаниями, искать наиболее подходящие условия жизни, самостоятельно организовывать свою жизнь. Категория «отношения» — это то, что характеризует интимный союз и его качество.

Гражданский брак в глазах партнеров — это неписанный договор, который заключают партнеры, готовые взять на себя обязательства поддерживать теплые взаимоотношения; это соглашение, которое может быть расторгнуто в одностороннем порядке, если кто-то из них двоих не выполняет свои обязательства. Возможность расторгнуть договор в случае неудовлетворенности рассматривается в качестве стимула для постоянной обоюдной работы, направленной на выработку компромиссов и согласие на самоограничения, за счет чего достигается необходимое качество отношений.

Как средоточие компромиссных решений, гражданский брак дает возможность отложить тот момент, когда молодым людям придется подчиниться довлеющим репродуктивным нормам; благодаря ему возможно отложенное родительство, разрывающее смысловую связь между отношениями близости, любовью, сексом и деторождением. Кроме того, сожительство, как «полулегитимная» семья, дает возможность достаточно гибко организовывать взаимодействие с представителями старшего поколения, достигая автономии, ограничивать контроль над собой и в то же время, в случае необходимости, привлекать ресурсы и помощь родителей. Однако, несмотря на то что многие сферы совместной жизни в гражданском браке подлежат обсуждению и становятся темой переговоров, сексуальные отношения являются, по мнению автора, наименее проговариваемой областью. В большинстве случаев партнеры полагают само собой разумеющимися эксклюзивность и обязательства (commitment) в этой сфере.

Однако, несмотря на наличие общих ценностей и практик, характерных для партнерств, эти союзы различаются между собой в зависимости от того, как партнеры относятся к официальному браку. Партнерство, понимаемое как альтернатива официальному зарегистрированному браку, символизирует начало взрослой, самостоятельной жизни пары и предполагает достаточно жесткое дистанцирование от зарегистрированного брака. Если партнерство рассматривается как подготовка к браку, то наибольшее значение приобретает идея поиска и «тестирования» потенциального партнера, с которым впоследствии можно заключить брак, родить ребенка. В свою очередь, партнерство как аналог брака практически неотличимо от официально зарегистрированного союза, в том что касается содержания отношений и ролей. В большинстве случаев сожительство связано с определенной фазой жизненного цикла, рождение ребенка увязывается с браком. Автор заключа-

ет, что молодые представители российского городского среднего класса разделяют ценности сожительства как этапа интимных отношений, но далеко не все готовы принять гражданский брак как самоценный, легитимный союз.

Л. Шпаковская показывает, что тенденции индивидуализации и рационализации, характерные для незарегистрированных союзов, отличаются от внешних институциональных требований и жестких норм официального дискурса относительно брачного и репродуктивного поведения граждан. Политизация гражданского брака возникает как результат напряженности между консервативным дискурсом и изменениями в организации приватности, связанными с эволюцией ценностей, имеющих значение для молодых людей, в сторону большей индивидуализации, рационализации и ответственности. Таким образом, трансформация интимности предполагает, с одной стороны, рефлексивность брачного выбора, которому предшествует одно или несколько пробных сожительств, и принятие решения о рождении ребенка/детей, а с другой — стратегии откладывания времени совершения таких значимых выборов, как брак и деторождение.

Статья *Гузель Юсуповой «Сексуальные сценарии сельской молодежи в полиэтническом сообществе»* написана по результатам полевого исследования в одном из деревенских поселений Среднего Поволжья. Объект ее исследования — молодые люди и девушки в возрасте от 16 до 24 лет, коренные жители села, принадлежащие к среде рабочих и служащих, представители четырех этнических групп. Автор выясняет, каким образом изменяются сексуальные практики сельской молодежи в условиях сохраняющегося локального социального контроля, когда жители знают друг друга лично и, как правило, их общение предполагает синкретизм ролей. Другим ограничением исследования интимной жизни молодежи служит полиэтничный социальный контекст, а именно: практики выстраивания и воспроизводства этнических границ внутри сообщества, социальный контроль внутри этнических групп, имеющий гендерную специфику. Исследовательница применяет сценарный подход к изучению сексуальных практик. Она фокусирует свое внимание на таких элементах сценария, как критерии выбора партнера, степень проявления двойного гендерного стандарта в отношениях, ценность добрачной девственности, опыт сексуального дебюта, выбор контрацепции, опыт аборт и отношение к ним, знания и разговоры о сексе с партнером, опыт

гражданского брака и отношение к нему. В статье подробно описываются три сценария сексуальности: брачный, романтический и коммуникативный.

Для брачного сценария характерен синкретизм сексуальных отношений, любви и брака, высокая ценность добрачной девственности у женщин. Сексуальный дебют может произойти и не в браке, но его стремятся «приурочить» к зарегистрированному браку и чаще всего скрывают от окружающих. В данном случае ярко выражен двойной гендерный стандарт: от потенциального супруга ожидают проявления традиционных маскулинных качеств: власти, силы, способности принимать решения, информированности и практических знаний в сексуальной сфере. В данном случае этничность является решающим критерием в выборе супруга/супруги, причем матримониальные планы молодых людей должны одобрить их родители. Будущий жених соблюдает ритуал сбора информации о потенциальной супруге, прибегая к помощи сельского сообщества. Однако как бы жестко не был «прописан» брачный сценарий, но и на него влияют некоторые тенденции либерализации. Например, допускается самостоятельный выбор брачного партнера, без принуждения со стороны старшего поколения. Кроме того, требование добрачного celibата у женщин может быть не столь категоричным, если в паре складываются стабильные отношения, нацеленные на создание семьи.

В романтическом сценарии любовные отношения задают «рамку» рассказа о сексуальном опыте. Отношения в паре обретают очертания «чистых отношений», когда на первый план выходят сознательный выбор партнера, характеристики личности и привязанность, основанная на общих интересах. Данный сценарий предоставляет возможности для индивидуализации партнеров, либерализации сексуальных отношений, выражающейся, в частности, в легитимации гражданских браков, и ослабления двойного гендерного стандарта. Несмотря на то что сообщество продолжает отслеживать и оценивать манеру молодых женщин одеваться и вести себя, им удается выстраивать партнерские отношения со своими избранниками, сохраняя свою автономию.

В коммуникативном сценарии приоритетными для пары являются сексуальные отношения. Разрыв вполне легитимен, если одну из сторон не удовлетворяет качество секса. В рамках данного сценария преодолеваются многие запреты на сексуальную жизнь, особенно жесткие в сельском обществе. Контроль со стороны окру-

жения уже не столь значим: молодые люди и девушки подвергают сомнению необходимость соблюдать традиционные правила поведения. Молодежь допускает возможность вступления в краткосрочные и параллельные связи, лояльно относится к частой смене партнеров, пары совместно принимают решения о дальнейшем развитии отношений, этнические границы ослабевают.

Исследование Г. Юсуповой показывает, что общими для всех выявленных сценариев являются тенденции либерализации, которые характерны и для городской сексуальной культуры: размывание двойного гендерного стандарта, снятие запрета на сожитительство без регистрации брака, временные и параллельные отношения, открытый доступ к знаниям о сексе и средствам контрацепции, определенная степень легитимации добрачного секса. Между тем индивидуальный, самостоятельный выбор варианта сексуального поведения в деревенском сообществе оказывается возможен лишь при условии, что удастся избежать контроля со стороны окружения, скрыть от него свои привязанности. Кроме того, в полиэтничном поселении отношения между молодыми людьми и девушками не свободны от этнических стереотипов и рутинизированных процессов воспроизводства этнических границ. Раскрепощение сексуальных отношений сельской молодежи не принимается сообществом, сохраняется конфликт между возможностью индивидуального выбора в приватной сфере и необходимостью вести себя в соответствии с общественными ожиданиями.

Материалы первого раздела в целом подтверждают тезис о либерализации и ослаблении двойного гендерного стандарта в добрачных практиках интимной жизни представителей разных социальных слоев. Важным является и подтверждение разрыва: в повседневности практики сексуальности и гражданского брака оказываются более либеральными по сравнению с нормами, принятыми в локальном сообществе в отношении добрачной сексуальности, в первом случае и позицией государства в отношении семьи — во втором.

Еще одна сфера приватности связана с семейными формами организации интимной жизни, которые обсуждаются в разделе сборника «Забота о детях: няня, домохозяйка, работающая мать». Ключевая категория «домашняя забота» осмысливается как совокупность гендерно маркированных практик, пространство женской компетенции. Следуя феминистскому подходу, исследователи рассматривают домашнюю заботу как двойственный

феномен. С одной стороны, забота анализируется как домашний труд, который является бесплатным или оплачиваемым и предполагает эмоциональную работу. Однако такое ограничение не исчерпывает содержания этой экзистенциально важной категории. Практики заботы представлены как ядро идентичности, их можно осмыслить как призвание, определяемое в данном контексте как преданность и внимание к близким людям, как значимую составляющую интимных отношений. Исследователи показывают, как социальные институты и дискурсы закрепляют за женщиной обязанности домашней заботы, подчеркивая ее гендерную роль и определяя нормативную женственность с привлечением категорий любви, материнства и ухода за близкими. Дискурсивная натурализация женской заботы характерна и для поддержки контракта «работающая мать» в новой российской демографической политике. Однако еще более выражена такая натурализация в контракте «домохозяйка».

Тем не менее современное общество создает институты делегирования домашней заботы. В публичной сфере заботу осуществляют старые и новые государственные структуры. Уход за домохозяйками и за вещной средой дома становится занятием для профессионалов, возникают частные институты публичной заботы. В современном российском обществе ощущается дефицит домашней и публичной заботы, один из показателей этого явления — растущий спрос на рыночные услуги нянь и домработниц, то есть коммерциализация заботы. Именно этим превращениям заботы посвящены статьи данного раздела.

Анастасия Смирнова изучает мир забот домашней хозяйки. Объект ее исследования — женщины, принадлежащие к обеспеченному классу, их мужья являются собственниками предприятий малого бизнеса или работают на руководящих постах в коммерческих организациях. Исследовательница использует прежде всего понятие панорамы заботы (*caringscape*), которое описывает временную и пространственную организацию практик домашней заботы. Домохозяйка является менеджером и дирижером быта. При этом сама роль интерпретируется в контексте отношений зависимости от других членов семьи. Реконструируя пространственную организацию домашней заботы, исследовательница выделяет два типа аффективной взаимосвязи женщины и домашнего пространства: топофилию и топофобию. В соответствии с традиционалистскими взглядами социальная роль домохозяйки предстает

как нормативный идеал настоящей женственности. Тем не менее анализ практик показывает, что эта роль вызывает напряжение, доходящее иногда до конфликтов.

Синдром топофобии выражается в том, что дом — основное место приложения усилий — становится местом изоляции, ограничивающим и исключаящим пространством. Такой тип отношения к дому характерен для женщин, на которых возложена очень большая нагрузка, то есть для тех, кто ухаживает за многочисленными зависимыми домохозяйками — маленькими детьми и пожилыми родственниками, а также для тех, кого мужья жестко контролируют. Такие супруги ограничивают свою домашнюю заботу материальным обеспечением семейного быта. Синдром топофобии сопровождается и вечной нехваткой времени — темпоральной бедностью. Можно представить себе, что в жизни домохозяйек этот аспект панорамы заботы не столь выражен, как у работающих женщин. Однако темпоральная бедность роли связана с тем, что домохозяйка не вольна распоряжаться своим временем, она подчиняет ритм своей жизни режиму других домохозяйцев. Отсутствие своего пространства и автономного времени — характерные признаки роли. Для таких домохозяйек свобода — это выход за пределы дома, забота о себе, время для внесемейного общения. Члены семьи контролируют домохозяйек в тех случаях, когда они выходят за пределы домашнего пространства; в нуклеарных семьях этим занимаются прежде всего мужья, которые выполняют роль добытчика в семье.

Устойчивую идентификацию себя с домашним миром исследовательница обозначает понятием *топофилии*, которая проявляется в восприятии дома как пространства для творчества, самовыражения, актуализации особого, женского, знания и власти, пространства, где можно укрыться от жесткого внешнего мира. В таком варианте роли дом воспринимается как продолжение женского «я» и как индикатор компетентности истинной домашней хозяйки.

Чем меньше в доме других зависимых, тем менее жесткую конфигурацию принимает панорама заботы. Стремясь к темпоральному богатству и расширению физического пространства коммуникации, домохозяйки используют несколько стратегий. Они делегируют часть заботы о доме профессионалам, стараются вовлекать домохозяйцев в семейные практики, относиться к домашним работам как к профессионально стандартизированной

деятельности. Профессиональные домохозяйки разграничивают «время для себя» и «время для других», «время для вещей» и «время для домочадцев». Для домохозяек, активно делегирующих заботу или живущих в семьях, где нет других зависимых, характерен другой вариант исполнения роли — стремление заполнить время, совладать с его избыточностью. В целом легитимность роли и форма панорамы заботы оказываются зависимыми от окружающих, и потому роль является подчиненной несмотря на весь ее авторитет. Интенсивность практик домашней заботы снижается в течение жизненного цикла семьи, и легитимность роли ослабляется. Женщины, испытывающие чувство нереализованности, исключенности, стремятся заполнить это время практиками, соответствующими нормативному представлению о роли домашней хозяйки: они ищут себе занятие в домашнем мире и принимают часть обязанностей других членов семьи. Таким образом, традиционная и часто идеализированная роль женщины оказывается проблематизированной и связанной со значительными напряжениями в повседневной жизни.

Вера Галиндабаева рассматривает другую ипостась домашней заботы — оплачиваемый семейный уход за детьми, прежде всего работу няни. Исследовательница изучает процессы коммерциализации заботы на материале, собранном в семьях, проживающих в Бурятии, а именно в столице республики Улан-Удэ. Несмотря на традиции расширенной семьи, в этой республике стабильно растет спрос на услуги нянь, что связано и с модернизацией роли женщины, и с дефицитом детских садов и яслей. Дефицит публичной и домашней заботы восполняет рыночная услуга. В. Галиндабаева концептуализирует роль няни, обращаясь к представлениям о множественных режимах вовлеченности. Благодаря материалам наблюдения и интервью с наемными работницами и мамами исследовательница показывает, что работа няни, предполагающая два типа отношений — с детьми и с их родителями, организована как баланс двух режимов вовлеченности.

Режим материнской заботы, в который няня включается во время ухода за ребенком, предполагает глубокую эмоциональную привязанность, понимание, терпение, а также набор практических навыков. При этом взаимодействие с родителями выстраивается в режиме трудовых отношений, в рамках которых происходят стандартизация труда и подсчет затрат. Няня должна устанавливать социально-эмоциональную дистанцию в отношениях с ребенком и

его родителями, умело переходя от режима материнской заботы в режим трудовых отношений. В случае отсутствия таких навыков ее контракт рано или поздно будет расторгнут. В исследовании также подтверждается общая тенденция современного гендерного порядка, которая заключается в нейтрализации культурных особенностей (в данном случае в отношении бурятского общества) в организации практик домашнего ухода. Баланс между ролью члена семьи, осуществляющего материнскую заботу, и ролью наемного работника достигается и поддерживается с большими издержками, поэтому няни, которые умеют его соблюдать, обладают большой ценностью для работодателей, заслуживают их уважение и признание.

Как показано в исследовании, несмотря на делегирование заботы наемному персоналу, практики ухода остаются сферой женской компетенции, где востребованы нормативные женские качества. Коммерческие услуги хотя и позволяют женщинам среднего класса поддерживать баланс между профессиональной и домашней ролями, однако не приводят к радикальному изменению конфигурации гендерных практик. Одновременно такие практики отражают женские роли заботы, любви и эмоциональной вовлеченности.

Сходный результат показывает и исследование другой практики заботы — организации детского питания в нуклеарных семьях, проведенное *Ольгой Громышевой*. Эмпирические данные исследования включают в себя глубинные тематизированные интервью с мужьями и женами в семьях среднего класса. Такой методический прием позволил исследовательнице сопоставить взгляды супругов, выявить области консенсуса и расхождения в интерпретации семейных ролей.

В этом исследовании организация питания рассматривается в феминистской перспективе как неоплачиваемая, сложно организованная домашняя работа, в которой сочетаются виды деятельности, ориентированные на заботу о вещах и направленные на заботу о людях. Исследование показало, что практически все информанты рассматривают домашнюю работу как деятельность, конкурирующую с профессиональной занятостью по своему значению для семьи и для них лично. Одновременно женщины и мужчины рассматривают заботу о близких не только как труд, но и как проявление любви, не сводящееся к нагрузке или необходимости, но являющееся выражением теплых семейных, родительских или супружеских отношений.

Забота предстает как основа отношений близости, составляющих сущность семейной жизни, и как ядро гендерной идентичности. В ряде случаев организация питания осознается как домен «женской власти», которая проявляется в контроле за домохозяйками. Участие мужа в этой деятельности (хотя и желанное) рассматривается как посягательство на власть (конкуренция) и одновременно как утрата значимого преимущества, позволяющего оставаться привлекательной и полезной для мужа и выигрывать в конкурентной борьбе с другими женщинами.

Исследовательница выделяет гендерно нейтральные и гендерно маркированные виды деятельности в целях организации питания в семьях. В сферу женской компетенции входят основные виды деятельности: приготовление пищи, мытье посуды и контроль практик питания домохозяек. Контроль за питанием детей осмысливается как исключительное пространство материнской заботы. Сфера собственно мужской компетенции — вынос мусора. При этом мужья участвуют в домашней работе косвенно. К своим функциям они причисляют финансовое и транспортное обеспечение семейного питания: формирование бюджета (исключительно мужская функция в семьях домохозяек), вождение машины, ношение тяжелых покупок, сопровождение жены в магазинах. Иногда жены недооценивают их вклад. По данным исследования, мужчины чаще выполняют домашнюю работу, которая не требует значительной и постоянной временной и эмоциональной вовлеченности, они апеллируют к таким маскулинным характеристикам, как «грязная» и «требующая физической силы», «связанная с материальным обеспечением». Покупка продуктов является гендерно нейтральной деятельностью. Распределение задач между мужем и женой, а также способы их выполнения интерпретируются информантами в рамках повседневных гендерных идеологий.

Исследовательница выявила общие черты и расхождения в интерпретациях домашних забот мужьями и женами. Мужской сегмент домашней работы (за исключением выноса мусора) воспринимается обоими супругами как ситуационная помощь жене и не рассматривается как часть постоянной ответственности. Женщины преимущественно участвуют в более сложной деятельности, требующей компетенции, в значительной степени затрагивающей отношения с другими членами семьи. Некоторые виды деятельности — мониторинг питания и организация семейного рациона — воспринимаются женщинами как осознанная работа, сопряженная

с выполнением семейной роли жены и матери. При этом мужья не расценивают такие действия как работу, а считают ее естественной составляющей семейного уклада, не требующей интеллектуальных, эмоциональных, физических, коммуникативных усилий ни с их стороны, ни со стороны их жен.

Различия в интерпретациях могут приводить к недооценке вклада каждого из супругов в домашнюю работу, сама работа может оставаться незаметной для некоторых членов семьи и являться причиной конфликтов. Жены испытывают недовольство по поводу сравнительно меньшего участия мужей. При этом трансгрессия роли, то есть выполнение одним из супругов (как правило, мужем) функций, обычно принадлежащих другой стороне, может служить своего рода примирительной стратегией в случае конфликтов. Инициированные женами конфликты по поводу распределения семейных ролей можно рассматривать и как не всегда осознанную стратегию, направленную на изменение гендерных границ домашней заботы. Таким образом, разделение работ между мужем и женой может варьировать как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, и потенциально роль женщины в этих изменениях очень велика.

Статьи этого раздела показывают, что, как правило, семейный уклад воспроизводит сложившиеся веками гендерные различия, однако благодаря процессам коммерциализации и рационализации ролевые нагрузки могут сокращаться. Рыночные услуги и малая индустриализация быта, а также помощь супругов могут способствовать ослаблению ролевой нагрузки женщин. Однако контракт домохозяйки, получивший легитимность в современном российском обществе, способствует сохранению анклава традиционалистских практик и идеологий. Постепенно накапливается гендерно обусловленное недовольство, еще не политизируемое большинством российских женщин, многие из которых считают домашнюю работу естественной основой своей идентичности.

В разделе «Мужское здоровье и женская беременность»¹ представлены две статьи, где освещается роль экспертного знания, которое, с одной стороны, содействует обнаруживаемым тенденциям либерализации, а с другой — воспроизводит традиционные

¹ Статьи данного раздела подготовлены в рамках исследований социологии здоровья и гендера, поддерживаемых корпорацией «Novartis International AG».

гендерные нормы и идентичности. В центре внимания *Ольги Соколовой* и *Екатерины Бороздиной* — медиализация мужского и женского опыта. Исследовательницы показывают, что гендерно определенный опыт, с одной стороны, формируется и стандартизируется социальными институтами и дискурсами, включая научные и медицинские, с другой — воплощается в теле, переживается как субъективный, личностный и уникальный. Анализ опыта беременности, представленного в интервью, показывает противоречие между естественностью женских репродуктивных функций и постоянным вмешательством медицины в их определение.

Анализ социально-гигиенического дискурса обнаруживает противоречие между представлениями о мужском здоровье и гегемонными нормами маскулинности. В современных обществах возрастает роль экспертного знания. Медицина оказывается одной из областей, которая регулирует жизнь человека от рождения до старости. Используя критический дискурсивный анализ, О. Соколова рассматривает то, как происходит медиализация опыта мужчины в различных социальных институтах на всех этапах жизненного цикла: в сферах образования, труда, семьи и сексуальности. Исследование дает возможность понять, как образуется связь социальных позиций с категориями возраста и гендера. В социально-гигиеническом дискурсе к группам риска относятся мужчины, получающие образование, служащие в армии, неженатые, занятые тяжелым трудом, мужчины с вредными привычками, с высокой сексуальной активностью, представители секс-меньшинств, мужчины пенсионного возраста и пр. В соответствии с этим подходом подросток и юноша подвергаются избыточным нагрузкам, молодой мужчина — рискам службы по призыву. Мужчина зрелого возраста чаще, чем женщина, занимается опасной для здоровья профессией, работает на вредном производстве или на высшей управленческой должности. В ситуации риска находятся холостые мужчины, которые уязвимы в отношении стрессов, им свойствен неблагоприятный для здоровья образ жизни и психоэмоциональные проблемы. Сексуальная сфера также описывается как сфера риска, особенно для тех мужчин, которые имеют множественные сексуальные связи. Не только деструктивные повседневные практики (табакокурение, алкоголизм и наркомания), но и безответственное отношение к своему здоровью становится фактором, опасным для мужского здоровья. С точки зрения социально-гигиенического дискурса в группе риска оказываются все мужчины

старше 60 лет в силу действия биологических и физиологических факторов.

О. Соколова подтверждает парадокс дискурсивного кризиса мужественности: именно нормативные требования к мужественности связываются с рисками для здоровья мужчины. Следовательно, вряд ли стоит рассчитывать на повышение продолжительности жизни мужчин, заявленное в новой российской демографической программе, если по-прежнему остаются в силе традиционалистские образцы рискованной мужественности.

Екатерина Бороздина, взявшая в качестве основы анализа феминистскую критику картезианства, сосредоточила свое внимание на анализе парадоксов медиализации женского тела в случае беременности. Исследование проведено на материалах интервью о женском телесном опыте, который позволяет сопротивляться или приспособливаться к власти медицинского знания. Автор показывает, что в современных обществах основная компетенция регулирования беременности принадлежит не самой женщине, а медицинским институтам и дискурсам, наделенным властью и авторитетом. Именно медицина выступает источником сведений о социально одобряемой беременности и социально одобряемом материнстве. Некоторые женщины полностью разделяют эти нормы, доверяют научному знанию и контролю, неукоснительно следуют предписаниям врачей как компетентных специалистов. Однако автор показывает, что наряду с признанной медицинской компетенцией во время беременности возникает альтернатива — опыт телесных переживаний самой женщины, которым она делится с близкими людьми и другими женщинами. Это телесное знание, интуитивное, субъективное, смутное, играет важную роль при взаимодействии беременных женщин с гинекологами и акушерками. Практическое знание может выступать лишь стимулом для проверки и уточнения с помощью стандартных медицинских процедур. Однако если советы экспертов не соответствуют представлениям беременной о своих потребностях и ощущениях, то она может сделать выбор в пользу практического опыта. Это касается использования медикаментозных средств, принятия решений о госпитализации, о бытовых вопросах. Беременные могут интерпретировать экспертное знание как набор жестких универсальных схем, которые не соответствуют их уникальному опыту. Критически относясь к профессиональному авторитету, женщины ограничивают процесс медиализации беременности. Практическое

знание, как более полное, всестороннее знание о своем организме и потребностях тела, может выступать в качестве определенного ресурса для сопротивления масштабному медицинскому давлению. Таким образом, нечувствительность современных институтов к практическому опыту усложняет осуществление репродуктивных функций, с которыми связываются надежды на преодоление демографического кризиса в стране. На примере данных исследований становится понятно, что традиционные образцы нормативной женственности и мужественности, поддерживаемые экспертами, являются проблематичными, они осмысляются как рискованные или не учитывающие особенности гендерного опыта.

Раздел «Управление гендерной идентичностью» содержит статьи, посвященные механизмам создания мужественности и женственности в еще одном срезе — приватном и публичном пространстве. Управление гендерной идентичностью является многоуровневым процессом. С одной стороны, идентичность формируется в совокупности повседневных ситуаций на микроуровне. Личность создается и репрезентируется как «результат» повседневных взаимодействий. С другой стороны, гендерная идентичность конструируется под воздействием макропроцессов, в том числе и под влиянием официальной идеологии. Официальный дискурс задает нормы «правильной» женственности и мужественности, создает идеалтипические модели и образцы, характерные для того или иного гендерного уклада. В свою очередь, нормы официального дискурса воспроизводятся в повседневных практиках, выражаясь в таких механизмах управления гендерной идентичностью, как общепринятые правила поведения и гендерные стереотипы.

Как правило, изменение официальной идеологии следует за трансформацией политического режима и сопровождается актуализацией конкурирующих альтернативных дискурсов. Границы официального дискурса размываются, становятся более гибкими, что приводит к разнообразию гендерных идентичностей, представленных в обществе. Влиятельными «агентами» управления гендерной идентичностью становятся отдельно взятые сообщества и индивиды.

Для российского контекста, задающего специфическое пространство управления гендерной идентичностью, характерно сочетание разнонаправленных тенденций либерализации и неотрационализма. Либерализация выражается в распространении

эгалитарных представлений о мужественности и женственности, признании свободы сексуального выбора, появлении альтернативных «агентов» управления гендерной идентичностью. В постсоветской России роль последних взяли на себя не только государство и отдельные сообщества, но и средства массовой информации и церковь. С их помощью в официальном и повседневном дискурсах также приобретают влияние неотрационалистские элементы, отстаивающие приверженность традиционным образцам женственности и мужественности, ограничение сексуальности, ориентацию на патриархальные семейные образцы.

Источники современного российского гендерного неотрационализма обнаруживаются в позднесоветском научно-популярном дискурсе. Именно ему посвящена статья *Катерины Губы*, в которой анализируется руководство по формированию «правильной» женственности — популярное издание «Для вас, девочки!», выдержавшее несколько изданий большим тиражом в позднесоветский период. Исследовательница выделяет три сферы активности девочки-подростка: ведение домашнего хозяйства, следование канонам привлекательности и контроль сексуальности. Подчеркивается, что «инструкция» явно отсылает к господствующей модели советской женственности — гендерному контракту «работающая мать». При этом прослеживаются традиционалистские мотивы: девочку целенаправленно готовят к совмещению профессиональной деятельности с домашней работой и материнством, причем в пользу последних.

В качестве одного из ключевых достоинств девочки называется ее привлекательность, которая заключается прежде всего в естественной красоте, скромности и богатом внутреннем мире. Привлекательность не связывается с сексапильностью; инструкция рекомендует девочкам избегать сексуальных контактов до начала серьезных отношений и/или вступления в брак. Автор указывает, что сексуальная жизнь представлена в руководстве как легитимное условие последующей беременности и материнства — истинного предназначения будущей женщины. Мы видим, что контроль сексуальности заключается в отказе от добрачной сексуальной жизни и попытках избежать незапланированной беременности. При этом единственным указанным в издании средством контрацепции является аборт, что в полной мере отражает особенности советской контрацептивной культуры. Исследовательница отмечает очевидные противоречия советского дискурса о правильной женственно-

сти с современными практиками и условиями управления гендерной идентичностью.

В статье *Даниса Гараева* представлена неотрадиционалистская траектория трансформации позднесоветской гендерной идентичности. Автор анализирует обращение молодых женщин в ислам в современном Татарстане. В центре внимания исследователя находятся практики ношения хиджаба, мусульманского головного платка, как гендерно маркированного символа принадлежности к исламу, в современной Казани. Отмечается, что массовое обращение в ислам стало одним из последствий национального строительства в Татарстане. Соблюдение норм ислама женщинами, надевшими хиджаб, предполагает следование специфическим религиозным ритуалам, ограничения в трудовой деятельности и светских развлечениях, жесткий контроль сексуальной жизни, ориентацию на создание мусульманской семьи.

Поворот к исламу и его символическое обозначение — хиджаб, на первый взгляд ограничивающие публичную активность женщин, в то же время оказываются для них «пропуском» в политическое пространство региона. В качестве «агента» управления идентичностью новообращенных в ислам женщин выступает не только и не столько мусульманское сообщество, сколько они сами. Автор подчеркивает, что в большинстве рассматриваемых им биографий принятие ислама являлось осознанным выбором самих женщин. Они воспринимают исламские нормы рефлексивно, в рамках модернистского проекта, не отрицающего либеральных норм. Так, на примере конструирования женской мусульманской идентичности в российском контексте мы наблюдаем формирование альтернативного дискурса, находящегося на границе официальной идеологии и сочетающего в себе либеральные и неотрадиционалистские черты.

В современном российском обществе управление идентичностью вариативно, данный факт является еще одним подтверждением сложной конфигурации гендерного порядка. Другой полюс официального дискурса, задающего механизмы управления гендерной идентичностью, формируется под влиянием либерализации сексуальной сферы. Статья *Оксаны Парфеновой* посвящена явлению каминг-аута (coming out). Автор анализирует сценарии открытия нетрадиционной, то есть лесбийской и бисексуальной, идентичности, отмечает, что в российском обществе камингауту противостоят барьеры институционализированной гомофобии и он редко бывает полным.

Исследовательница выделяет индивидуальные и коллективные версии открытия сексуальной идентичности. Индивидуальный каминг-аут чаще всего бывает частичным или вынужденным: открытие или, скорее, разоблачение нетрадиционной ориентации происходит в контексте семейных отношений, профессиональных контактов и при взаимодействии с гинекологами. Наиболее распространенными в российском контексте, по мнению автора, являются стратегия сокрытия сексуальной ориентации, а также молчаливый и конфликтный сценарии камингаута. Коллективный каминг-аут происходит в рамках сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Публичные коллективные действия, например пикеты и гей-парады, хотя и обсуждаются в прессе, но до сих пор запрещаются. Как показывает исследование, несмотря на общий маргинальный статус и замалчивание, гендерные идентичности, характерные для альтернативного дискурса указанного сообщества, получили широкое распространение в отдельных сегментах российского общества, например в шоу-бизнесе.

Таким образом, панорама гендерных практик и идентичностей, реконструированная в данных исследованиях, подтверждает тезис о том, что расширяется диапазон как традиционалистских, так и эгалитарных образцов. Более того, граница между ними не всегда является очевидной. При этом традиционалистские образцы связаны с депривациями и нехваткой равенства, однако могут быть желанными, привлекательными и служить источниками действия и власти. Эгалитарные гендерные образцы связаны с тенденциями либерализации, снижением двойного стандарта и гендерных различий, однако им зачастую не хватает легитимности, дискурсивной представленности и институциональных ресурсов.

Е. Здравомыслова, В. Пасынкова, А. Темкина, О. Ткач